1899 ОН ЛЮДЯМ ОТДАЛ

Джафар Джабарлы (второй слева во втором ряду) среди деятелей культуры и искусства. В первом ряду слева Мустафа Марданов, Исмаил Идаятзаде и Александр Туганов.

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ДЖАФАРА ДЖАБАРЛЫ ШИРОКО ИЗВЕСТНО ЧИТАТЕЛЯМ, ЛЮБИТЕЛЯМ ЛИТЕРАТУРЫ И ТЕАТРА. ОДНАКО ИССЛЕДОВАТЕЛИ И СЕЙЧАС ВЫЯВЛЯЮТ НЕИЗВЕСТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ДРАМАТУРГА. СРЕДИ НИХ — ПЕРВЫЕ ПЕЧАТНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ДЖАБАРЛЫ.

ПЕРО, ОТТОЧЕННОЕ ИЗНАЧАЛЬНО

Перелистываем страницы комплектов сатирических журналов «Келнииййет», издаваемого в Баку в 1912—1913 годах под редакцией известного журналиста Гаджи Ибрагима Касумова, и «Мазали», выходившего в 1914—1915 годах под редакцией писателя Ашумбека Везирова. В 26-м номере журнала «Келнииййет» 18 ноября 1912 года была опубликована небольшая сценка «Политика и пити». Под ней стоит псевдоним «Санджаг».

Произведение «Политика и пити» принадлежит перу Джабарлы. Юный Джафар приподнимает завесу, скрывающую лицо невежественных служителей аллаха. Сценка сатирически рисует «хладнокровного» моллу и показывает, что молла, называющий политику пустым делом, настолько же смехотворен, насколько и жалок.

Привлекают внимание сатирические стихи, опубликованные в журнале «Мазали» за 1915 год: «Город Баку», «Жалоба на жену», «Мазали», «Наставление», «Придирка», «Подражание Физули», «А нам-то что», «Девичья любовь», «Послание», «Кулак», «Цирюльник», «Иранец сказал, теперь знаю». Об этих стихах до сих пор не упоминалось. Потому, вероятно, что они опубликованы под псевдонимами «Санджаг», «Ийна», «Кемшуур», принадлежность которых до сих пор не была ясно установлена. Благодаря поискам наших ученых-литературоведов установлено, что они принадлежат Д. Джабарлы и написаны под влиянием основоположника революционной сатиры М. А. Сабира.

Тема человека и его судьбы была главенствующей в первых печатных произведениях Джабарлы. Юный поэт, ищущий причину несправедливостей в современном ему обществе, страстно желает положить конец бесчинствам, творимым над простым народом. Больше всего его волновала судьба молодежи, ибо в ней он видел будущее.

В стихотворении «Город Баку» Джабарлы раскрывает социальные контрасты города, показывая, как с одной стороны идет быстрое развитие капитализма, а с другой — продолжает существовать феодально-патриархальный уклад жизни.

На каждой улице одно
убожество.
Ничего не увидишь, кроме
убийства и грабежа,
Кто как умеет, притесняет
народ,
Считая это делом чести,
машаллах!
Легко быть мусульманином,
машаллах!

Превратив свой стих в разящее оружие в борьбе с общественными пороками, Джабарлы уверенно нес знамя Сабира. Реалистически относясь к поэзии, связывая ее с жизнью, как это делал Сабир, Джабарлы со временем завоевывает все большее признание. Художник не мог не видеть тягот своего времени. Современность, актуальность, жизненность — вот что мы видим в его первых стихотворных произведениях.

Во всех стихотворениях этого периода за фразами героев, за голосом персонажа слышится активный голос поэта. Как и у Сабира, типы Джабарлы сами себя разоблачают. Интересна в этом отношении сатира «А нам-то что», «Пусть умирают бедняки, ни копейки не дадим» — говорит герой стихотворения и сам же себя разоблачает, показывая свою алчную натуру, мораль капиталиста. Разоблачая своих героев, Джабарлы заставляет читателей задуматься над прочитанным. Каждое его стихотворение бьет в цель, ибо автор высказывается ясно, не скрывая ни своих убеждений, ни своей ненависти. Поэт-гуманист особенно ненавидит людей национально-ограниченных, не терпящих иноверцев. Он беспощадно показывает мерзости, которые творят эти люди, прикрываясь религией.

Не будучи равнодушным к общественным бедам своего времени, Джабарлы пишет стихотворение — подражание известной газели М. Физули. Насколько печальна трагедия героя Физули, готового ради возлюбленной пожертвовать жизнью, настолько комичен молла у Джабарлы, влюбленный... в поминки.

Люблю пору поминок, они—
душа моя.
День и ночь их славит речь
моя.

Обращение к наследию классиков давало хорошие результаты, и Джабарлы продолжает поиски в этом направлении. Однако в своих подражаниях он не шел по пути эпигонства, создавал совершенно оригинальные образцы с более высокой общественно-политической значимостью. В его «подражаниях» звучит обычно новая идея, стихи наполнены новым содержанием.

Джафар Джабарлы входил в литературу уверенно, честно видел ее назначение в борьбе с неравенством, несправедливостью, невежеством. Вот почему Джабарлы с радостью принял Октябрьскую революцию, ибо увидел в ней освобождение от угнетения, от всех тягот и предрассудков, против которых выступал с первых же своих шагов в литературе.

Р. ТАГИЕВ,
кандидат филологических наук.

Обложка журнала «Мазали», издававшегося в Баку под редакцией писателя-журналиста Ашумбека Везирова.

МАМЕД АРИФ

ХУДОЖНИК — БОРЕЦ

ГДЕ и при каких обстоятельствах встретился с ним впервые? Пытаясь мысленно ответить на этот вопрос, воскрешаю в памяти фигуру невысокого юноши в каракулевой шапке, с внимательным взглядом из-под очков огромных черных глаз. Он не знал меня, но в обращенном ко мне взгляде было столько теплоты и доброжелательности, будто знакомы мы с ним очень давно. Других особых примечательных деталей в его внешности не было, одет он был очень просто.

Как-то мне показали его издали: «Это Джафар Джабарлы».

Осенью 1922 года у Бакинского Совета вдруг я увидел, что иду следом за ним. Непринужденно, засунув руки в карманы пальто, посматривая по сторонам, спускался он вниз по Коммунистической. Я последовал за ним, с интересом приглядываясь ко всем его движениям. У здания Верховного Совета он остановился и приблизился к приклеенной к стене афише. Придержал шаг и я. Прочтя афишу, он продолжил путь. И я подошел к ней. «Если она заинтересовала Джабарлы,—подумал я, — видно, в ней что-то есть». Афиша сообщала о спектакле какого-то гастролирующего в Баку театра по пьесе «Кин или свет и тьма».

Прочтя афишу, я оглянулся — Джабарлы уже не было. Взглянул на афишу еще раз.

Это произведение Александра Дюма еще раньше сильно заинтересовало меня, и я решил посмотреть пьесу во что бы то ни стало. Это была пьеса о горькой судьбе известного английского трагика Эдмунда Кина. Тогда она произвела на меня глубокое впечатление. Мне виделся особый смысл в том, что эта афиша задержала на себе взгляд Джабарлы, я пытался связать это с его художественным вкусом, литературными интересами. Я искал и находил черты, роднящие Кина и Октая, а это в моих глазах возвеличивало Джабарлы-драматурга.

Сам Джабарлы никогда и нигде не обмолвился, что написать «Октая Эльоглу» его побудила трагедия Араблинского. Но он неоднократно утверждал, что азербайджанский народ дал актеров, способных гениально сыграть шекспировские трагедии. С этой точки зрения Октай был одним из любимейших героев Джабарлы. В нем—самопожертвование и трагедия фанатиков театра, трагедия первых великих актеров, служащих народному искусству с терновым венцом на челе. Трагические судьбы этих людей в помещичье-буржуазном обществе, в «царстве нефти и миллионов» выписаны в драме «Октай Эльоглу» Джафаром Джабарлы более глубоко и сильно, нежели Александром Дюма в его пьесе. Не мелодраматичностью, и сентиментальностью, а своим реализмом сильна драма нашего соотечественника. Более жизненна и реальна изображаемая им азербайджанская действительность и историческая трагедия народа, намного сокрушительнее романтический протест драмы.

...Прошло несколько лет. Я познакомился с такими героями Джафара, как Октай, Гюлюш, Алмас, Гюльсабах. Размышляя о них, я вспомнил слова драматурга о беспутном Искендере. Правда, я знал, что мнение, высказанное Джабарлы в литературном споре, нельзя воспринимать, как безапелляционное. Но эти слова казались мне идущими от души.

При первом удобном случае я завел с ним на эту тему разговор. Ответ был примерно следующим:

— Беспутный Искендер—это литературный тип, подобный Чацкому. Абсолютно реальный, национальный, несущий глубокий социальный смысл.

Приведя на память несколько фраз из своей статьи, написанной в связи с постановкой «Гамлета» на азербайджанской сцене (с этой ненапечатанной статьей я ознакомился много позже), Джабарлы отметил, что в образе беспутного Искендера гениально отображено характерное для девятнадцатого века социальное настроение.

— Этот тип создан Мирза Джалилом блестяще. Комедия «Мертвецы» бессмертна. Но в моей критике тоже есть зерно истины. Искендер—не герой в полном смысле этого слова, не борец, он—обличитель, и путей борьбы он не укажет.

Я, не сдержавшись:

— Как Айдын, как Октай...

Джабарлы взглянул мне прямо в глаза, затем отвел свои в сторону и, глядя куда-то вдаль, сказал в раздумье:

— В них есть родственное... — И после небольшой паузы добавил. — Но сейчас я готов критиковать своих тоже.

Я не сомневался в искренности слов Джабарлы. Сказать по правде, только их я и ждал от него. Потому что его новые герои—Эльхан и Гюлюш, Алмас и Гюльсабах, в отличие от Айдына и Октая, не были лишь обличителями, они указывали пути борьбы, были героями, преобразующими жизнь.

Позднее, вспоминая эти рассуждения Джабарлы о «Мертвецах», я еще раз убедился в том, что, критикуя образ беспутного Искендера, драматург не изменял своему творческому кредо. Еще не увидели света рампы новые герои Джафара Джабарлы, но уже тогда автор остро чувствовал необходимость их создания, явственно ощущал, что новая жизнь требует новых героев.

В 20-е годы два драматурга владели умами нашей молодежи — Гусейн Джавид и Джафар Джабарлы. Джавид со своими историко-романтическими героями был уже хорошо знаком зрителям. Джафар же был молод. Взаимоотношения этих двух писателей — вопрос очень интересный и, я полагаю, в будущем наши исследователи займутся им. Джабарлы, хоть и ощущал некоторую ограниченность творчества Джавида, в частности, отсутствие у того произведений об азербайджанской жизни, но все же не мог избежать его влияния, как драматурга. Шейда Джавида и Айдын Джафара где-то перекликались между собой, и заметить это не составляло особенных усилий. Но, кроме этого прямого влияния, было влияние и обратное, и оно было сильней! Это можно заметить, сравнивая «Пророк» Джавида и «Невесту огня» Джабарлы. Если Джавид в образе Пророка изобразил Магомета в позитивном плане — как гуманиста и реформатора, то Джабарлы в образе Абу-Убейда изобразил Магомета в плане негативном — как захватчика и реакционера, то

— Джабарлы — ученик Джавида.

— Если даже ученик, то такой, что обгоняет своего учителя.

Кто они—эти люди, определить было трудно, но чувствовалось, что они интересуются литературой, театром. Разговор этих незнакомых мне людей, спокойное и свободное высказывание своего мнения, несмотря на горячие и запутанные споры на страницах тогдашних газет, произвели на меня такое глубокое впечатление, что у меня до сих пор в ушах стоит: «Ученик обгоняет своего учителя»...

На словах и не передашь, какое влияние имели пьесы Джабарлы на молодежь нашего поколения. Молодые люди 20—30-х годов встречали пьесы «Айдын», «Октай Эльоглу», «Невеста огня», «Севиль» как-то особенно страстно и увлеченно, с глубоким волнением. Одной из причин этого было, вероятно, и то, что большинство положительных героев Джабарлы были молоды, не мирились со старым миром, были бунтарями, обличителями. Носители чистых и высоких помыслов, они бросались в борьбу с черствостью и грязью их окружавшими, шли к своей цели уверенно и самоотверженно, несмотря на трагичность своего положения, и побеждали в этой борьбе, а иной раз и погибали, не роняя при этом высокого звания Человека. И силу воздействия этих героев на только что освободившуюся от гнета и насилия советскую молодежь переоценить невозможно. Свои проклятья и ненависть к миру, с которым он прощался, советский зритель выражал словами Айдына, Октая, Эльхана, Гюлюш, сердце его билось в унисон с сердцами героев Джабарлы. Между сценой и зрительным залом возникала какая-то внутренняя связь. Пылкий дух романтического героя на сцене окрылял каждого сидящего в зале юношу...

Никогда не забуду. Шел «Октай Эльоглу». Аббас Мирза Шарифзаде и Марзия-ханум, как и всегда, буквально очаровали зал своей игрой. Спектакль подходил к концу. Октай, заколов Фирангиз ножом Моора, произносил свой финальный монолог. Актер произнес его, подойдя к самой рампе и простирая руки к зрителям, будто в самом деле ожидая ответа от публики. Зал взорвался аплодисментами, которым не видно было конца. Все встали. Овации не прекращались и после неоднократного выхода актеров. Зритель требовал автора, чтобы выразить ему свою благодарность. По всей вероятности, Джабарлы не было в театре. Уже в который раз поднимался занавес, сцена пустела, рабочие убирали декорации, аплодисменты же не прекращались, зрители не теряли надежды увидеть автора. Кто знает, сколько бы это продолжалось, если бы на сцене не был опущен железный противопожарный занавес...

Я вышел из театра в каком-то опьянении. На лицах окружающих была усталость, какая бывает у людей, прошедших через большую и трудную борьбу, не было слышно разговоров, люди молча размышляли.

«Честь и хвала художнику, заставившему зрителя размышлять!» — повторял я про себя.

Страницы газет за 1928—31 годы полны несправедливой критики в адрес Джабарлы, хотя именно эти годы были для него самыми плодотворными, самыми успешными и с идейной, и с художественной стороны. Выяснением этого, несомненно, займутся историки нашей литературы.

Любого человека, раздумывающего над судьбой нашей литературы, а также и просто читателя, не могло не заинтересовать, как же реагировал сам Джабарлы на эти выступления, подобные больше угрозе и даже клевете, нежели литературной критике? Я со своей стороны считаю, что в отношении к литературной критике Джабарлы был в высшей степени сдержанным, не проявлял явного недовольства; если критика была несправедливой, неправой. Кажущимся безразличием встречал он эти часто несправедливые, а подчас и невежественные выступления.

Можно привести множество фактов принципиальности, неуступчивости при защите своих верных и справедливых соображений кажущимся таким спокойным внешне Джабарлы. Так, он резко возражал против режиссерских изменений при постановке своей пьесы «В 1905 году» в Театре русской драмы и доказал посредством печати свою правоту, как в историческом плане, так и в художественном решении.

Вообще Джабарлы отвергал предложения, идущие вразрез с его творческими принципами, принимая лишь те замечания, которые внутренне убеждали его.

Выносливость и стойкость, выработанные Джабарлы ценой огромного, тяжелого и сложного внутреннего сопротивления, кажущаяся спокойной реакция на несправедливые нападки были самой положительной чертой его характера. Даже из плохой критики он старался почерпнуть что-то.

* * *

КАК-ТО разговор зашел о женитьбе. Джафар спросил меня:

— А что, твоя невеста красива?

— Мне она по душе.

— Так-то,—сказал он с улыбкой,—оно так, но ты все ж покажи мне ее, и я скажу, какова она. В последнее время мне буквально, как Аскеру, пришлось искать девушек на фильм «Севиль», так что я стал прямо специалистом по красивым девушкам.

ФЕВРАЛЬСКИЕ ЦВЕТЫ

Ни один из азербайджанских драматургов у себя на родине не пользовался такой широкой популярностью, какой пользовался Джафар Джабарлы. На трудах основоположника современной азербайджанской драматургии выросли и воспитались многие мастера пера и сцены Азербайджана. Джабарлы был поэтом, прозаиком, режиссером, публицистом, переводчиком, киносценаристом, но прежде всего он был драматургом.

Бессмертные творения Дж. Джабарлы, такие, как «Увядшие цветы», «Айдын», «Севиль», «Невеста огня», «1905 год», «Алмас», «Яшар» с подлинным успехом идут на сценах многих театров народов СССР, в том числе и на профессиональных и любительских сценах армянских театров.

Помню, как сегодня, февраль 1928 года, когда впервые армянская труппа поставила в Азербайджанском государственном драматическом театре «Севиль». Пьесу ставил известный режиссер Л. Калантар. В главных ролях были заняты лучшие мастера армянского театра: Жасмен—Севиль, О. Абелян—Ата Киши, А. Ованесян—Балаш, М. Адамян—Дильбер, Г. Вабаджанян—Гюлюш и другие. Спектакль «Севиль» прошел с невиданным триумфом. Сцена была усыпана живыми цветами, а это было в феврале!

Пресса на трех языках—русском, азербайджанском и армянском — отметила на следующий день успех премьеры. Игра актеров была высоко оценена рецензентами. Доволен был и Джафар Джабарлы.

Мне не раз приходилось слышать на диспутах, на обсуждениях пьес, как Джафар Джабарлы отзывался о мастерстве современных ему армянских артистов. В особенности ему нравилась игра Жасмен — одной из лучших исполнительниц роли Севиль.

Каждая премьера тех лет оставляла добрый отпечаток в душе. Вот еще один памятный день: 14 октября 1931 года. В нашем армянском театре пошла историко-революционная пьеса «1905 год». Режиссером-постановщиком спектакля был сам Джабарлы. И снова зрители пришли в театр с охапками цветов. После III акта, когда Абелян и Джабарлы, обнявшись, вышли на авансцену, зрители и участники спектакля устроили дружную овацию.

Обращаясь к зрительному залу и автору пьесы, Абелян тогда на чистейшем азербайджанском языке сказал:

—Дорогой Джафар! Давно уже азербайджанские артисты ставят произведения армянских драматургов — бессмертную комедию Сундукяна «Пепо», драму Ширванзаде «Намус». Мы, армянские артисты, в свою очередь поставили твои пьесы — «Севиль» и «1905 год». Эти четыре пьесы близки и понятны как азербайджанскому, так и армянскому зрителю. Эти четыре постановки вошли в репертуар вашего и нашего театров. Как азербайджанский, так и армянский театры и их зрители, гордятся таким замечательным мастером пера и сцены, каким являешься ты, ибо твои пьесы — это новое реалистическое современное исиусство.. И под гром аплодисментов Абелян обнял и расцеловал драматурга.

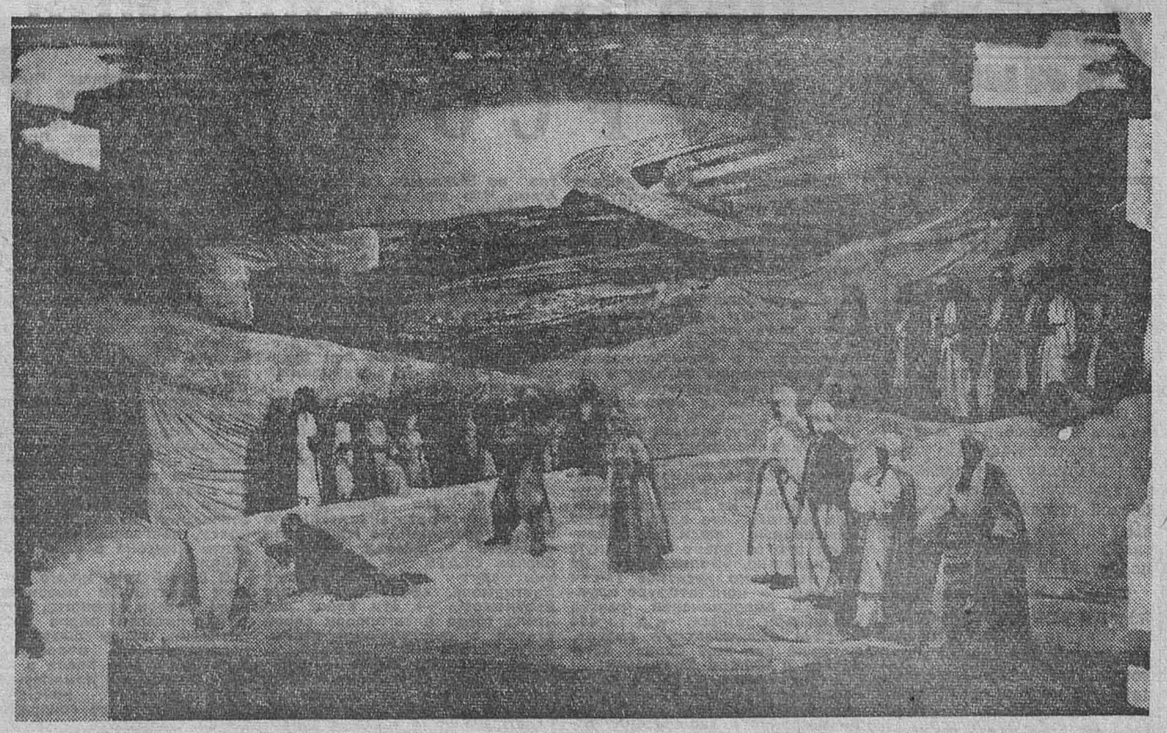
Мне памятна каждая встреча с Джабарлы. В канун Международного женского дня, в 1929 году, режиссер азербайджанского драмколлектива клуба имени Зевина и я совместно готовили пьесу «Севиль». I и II акты мы решили играть на азербайджанском языке, а III и IV акты—на армянском. От имени участников нашего интернационального спектакля я обратился за помощью к Дж. Джабарлы и известной артистке Марзие Давудовой. Они с охотой отозвались на нашу просьбу. Джабарлы прочел с нами пьесу и вместе с Марзией-ханум стал приходить к нам на репетиции, помогать любителям-артистам. Вместе со мной Джабарлы поехал в Азгосдраму выбирать костюмы, реквизит, бутафорию. И по сей день я не могу забыть волнующие минуты нашего совместного спектакля.

Наивысшее напряжение охватило зал, когда исполнительница роли Севиль, швея фабрики имени Володарского, Аршалуис Арутюнян, сняв с себя чадру, бросила ее в лицо мне, исполнявшему роль Балаша. Здесь зал потонул в громе аплодисментов. И сейчас же по залу прошел рокот голосов. Несколько десятков работниц-азербайджанок стали сбрасывать с себя чадру.

И теперь, когда азербайджанский народ отмечает славный юбилей выдающегося писателя, к нему по праву присоединяются и другие народы нашей многонациональной страны.

Сын Азербайджана служил прогрессу всех отсталых народов. В нашей памяти он живет как талантливейший писатель, человек большой души, большой пропагандист великих ленинских идей.

В. БЕГИЯН,
пенсионер, актер Армянского народного театра.



Сезон 1935—1936 года. Впервые в БРТ (Бакинский Краснознаменный рабочий театр) на русском языке пошла пьеса «Невеста огня». Режиссер С. Майоров, художник С. Ефименко. Сцена из спектакля.